

состоит в наблюдении за исполнением их». Вот черта, которая доказывает, в какой точности он следовал закону. Однажды, играя в мяч на площади Дамаска, он заметил человека, который в разговоре с другим указал рукой на него. Он посылает немедленно спросить, чего тот хочет. Неизвестный отвечал: «Я имею процесс против Нуреддина за одну собственность; пусть он явится в суд защищать себя». Едва только узнал Нуреддин, в чем состоит дело, как бросил мяч, оставил площадь и представился к кади (сулье), со словами: «Я являюсь для защиты собственного дела; сделай для меня то, что ты сделал бы для всякого». Начались прения; противник изложил свои доводы; Нуреддин представил свои, и тот человек был признан виноватым. Тогда Нуреддин, обратившись к кади и присутствовавшим, сказал: «Я знал хорошо, что приказания моего противника несправедливы, и тем не менее явился, чтобы не подумали, что я желаю обидеть его. Теперь, когда право признано за мной, я желаю отдать этому человеку ту собственность, за владение которой он позвал меня в суд. Будьте свидетелями того, что я отдал эту собственность ему». Не чрезмерное ли это правосудие? Не переходит ли оно за пределы всякого благодеяния? О, Аллах, осени эту прекрасную душу своим милосердием, эту душу, которая повсюду искала пути правды! Другое доказательство любви Нуреддина к правосудию состоит в том, что, когда все современные правители по одному подозрению и самому ничтожному поводу осуждали обвиненных на пытку и истязания, он запретил все подобное в каком бы то ни было виде. Он требовал, чтобы прежде всего выслушивали свидетелей; если законные улики против обвиненного будут очевидны, то он подвергается наказанию, определенному законом, без малейшего отступления от смысла текста. Благодаря такому преобразованию Аллах освободил его государство от множества преступлений, бывших прежде весьма обыкновенными и которые продолжают свирепствовать в соседних государствах, несмотря на строгость администрации, суровость наказаний и страсть немедленно предавать обвиненного мукам

пытки за малейшее подозрение. Во владениях же Нуреддина, при всей их обширности, господствовала великая тишина; число преступников заметно уменьшилось, благодаря правосудию государя и его уважению к закону.

Я слышал от человека достойного веры, что Нуреддин, находясь однажды в казначействе, нашел сумму, захваченную в казну несправедливо; он призвал служащих и сказал им: «Эти деньги не принадлежат ни нам, ни казне; их следует отнести к кади Кемаль Эддину, с приказанием возвратить тому, у кого их взяли». Несколько времени спустя, возвратившись в казначейство, он опять увидел там те деньги; тогда он пришел в гнев и, повторив приказание отнести их немедленно Кемаль Эддину, велел сказать ему: «Я знаю, что ты способен взять на себя такой грех; но мои плечи не так крепки, и я не желаю из-за этих денег привлечь на себя правосудие Всевышнего». Вследствие того деньги были возвращены.

Самое удивительное то, что правосудие Нуреддина действовало и после его смерти. В его время жил в Дамаске чужестранец, прибывший из Сирии и привлеченный туда кротостью его правления. После смерти Нуреддина, когда Дамаск подчинился власти Саладина, он, видя, что народ страдает от насилия и жестокости войска пового султана, явился к нему с жалобой, требуя удовлетворения. Истец, отправляясь к дому Саладина, разорвал на себе одежды, бил себя в грудь, плакал, взывал к милосердию и кричал: «О Нуреддин, Нуреддин! Если бы ты мог видеть, как с нами обращаются и какое причиняют нам зло, то, без сомнения, ты сжалился бы над нами. Где твоя правда?» Так кричал он, идя по городу и направляясь к мавзолею Нуреддина в сопровождении огромной толпы; слух о том дошел до Саладина. «Спаси страну, спаси народ, — говорили ему, — или он восстанет». Саладин позвал того человека к себе, а он находился тогда подле мавзолея и плакал, окруженный бесчисленной толпой. Его привели к Саладину, и он получил удовлетворение. Но вслед за тем он заплакал больше прежнего, и Саладин с изумлением спросил его о причине таких слез. «Я оплаки-